

Д. В. ФИЛОСОФОВ

Рец.: В. В. Розанов, «Около церковных стен»,
тт. I и II, СПб., 1905–1906

I

Розанов еще далеко не оценен по достоинству. У него много врагов, особенно политических.

«Левые» не могут простить ему его реакционное происхождение: свою публицистическую карьеру он начал в рядах самых злостных и злобных эпигонов славянофильства. «Правые» ненавидят его как анархиста, который расшатывает священные основы государственности: церковь, брак и семью.

Идейно Розанов, конечно, гораздо опаснее для правых, чем для левых. В то время как русская революция правильно осаждает крепость пресловутой уваровской триады *извне*, Розанов, с присущим ему невинным лукавством или, вернее, лукавой невинностью, вносит яд разрушения и дух мятежа изнутри, в ряды самих осажденных.

Правда, разобраться в обильных сочинениях Розанова нелегко. Слишком многогранны, даже хаотичны его писания. Вот уж поистине *не* классический писатель! Гениальность его сплошь да рядом переходит в тривиальность, мудрость — в первобытную наивность, высокая художественность — в почти непереносимую грубость. И к этой внутренней сложности и романтической несоразмерности мыслей присоединяется еще необыкновенный, присущий одному Розанову стиль.

Как бы ни относиться к идеям Розанова, нельзя не поддаться обаянию его стиля. Тут Розанов истинный творец новых ценностей. Трисотэны¹ всех толков, конечно, найдут много «ошибок» и неловкостей в стиле Розанова. Читатель, привыкший к чтению наших интеллигентско-газетных статей, теряется, читая Ро-

занова. Так цветист, ярко индивидуален его стиль. При нашей тенденции к «обобществлению» не только орудий производства, но и орудий мысли — слова — резкая индивидуальность языка запугивает и мешает оценить значение Розанова в истории русской речи. После Пушкина, Тургенева, Достоевского, когда, казалось, русский язык достиг предела своей яркости и богатства, Розанов нашел новые его красоты, сделал его совсем иным, — и притом без всякого усилия, без всякой заботы о «стиле». Флобер иногда целыми днями бился над одной фразой. Так же упорно работали над языком Тургенев, Мопассан. Розанов его творит бессознательно, по вдохновению, как по наитию он творит и свои самые драгоценные идеи. Иногда он с поразительной непринужденностью выступает в публику «не причесавшись», не смущаясь теми условными законами «приличия», которыми связаны даже самые радикальные представители русского общества. За это он не раз — и довольно заслуженно — встречал упреки в цинизме, в «юродстве», в «неграмотности». Но Розанова не переделаешь. Заставить его переделать свою статью нельзя никакими силами. Он написал ее как написалось, и никакие ее исправления, даже технические, невозможны.

Но всякий, кто сумеет преодолеть внешнюю причудливость Розанова, — его стиль, так тесно слитый с внутренним его содержанием, — тот непременно вместе с Розановым подойдет к страшным загадкам человеческого духа и заглянет в самую глубину мирового бытия. Розанов с отвагой человека, не видящего близких опасностей, возможных срывов, даже собственной гибели, взбирается на самые недоступные вершины. Его громадный опыт должен послужить всем идущим по пути искания вечных ценностей. Среди срывов его мистики и подлинных религиозных подъемов люди нового религиозного сознания должны увидеть верную, но тяжелую тропу восхождения...

II

В последней книге Розанова собраны самые лукавые, недосказанные статьи.

Читатель, незнакомый с сочинениями Розанова, подумал бы, что автор просто стремится к некоторым реформам духовного образования, православной церковной жизни, — и больше ничего. Таковы, например, статьи «О священническом совете при епископе», «О неудобстве частых перемещений в духовном ведомстве», «О пенсиях духовенству» и т. п. (т. I).

Надо думать, что это внешнее простодушие не что иное, как та овечья шкура, которую автор надеется прикрыть свою природную хищность. Прием в смысле тактическом, может быть, и достигающий известной, ближайшей цели.

Возьмите, например, большую двухтомную книгу Розанова «Семейный вопрос в России». Чего только в ней нет! Добрая половина книги в 800 страниц занята интимнейшими излияниями добровольных сотрудников и сотрудниц на тему о браке. Одна правдивая женщина написала даже целый трактат в защиту... ялтинских проводников, всех этих Ахметок и Сулейманов, каждый из которых останется «светлым воспоминанием до конца ее жизни» (т. II, с. 254).

Окружив религиозную и метафизическую проблему пола чисто социальными атрибутами, поставив ради тактических соображений знак равенства между браком и полом, Розанов думал хоть несколько притупить остроту вопроса, сделать его более приемлемым и менее трагичным.

Социальная жизнь может быть реформирована, брак можно обставить более рационально, облегчить развод, озаботиться судьбой незаконнорожденных и т. д., и т. д., словом, феноменальные изъяны брачной жизни могут быть замазаны при помощи разных, чисто внешних, мероприятий. Простые люди, страдающие именно от этих внешних, феноменальных неустройств жизни, девушки с незаконными детьми, женщины, заразившиеся дурной болезнью от собственных мужей, мужья, имеющие рано состарившихся жен, и т. д., как неизлечимо больные, узнавшие о новых чудесных способах лечения, накинулись на Розанова, понесли ему все свои болести с пламенной надеждой на помощь. И Розанов во многом помог им. Новые законы о незаконнорожденных, некоторые облегчения развода достигнуты отчасти благодаря его энергии и благодаря тому, что вопрос о разводе он поднял с якобы «православной» точки зрения, нашел в пользу него аргументы, убедительные для синодальных и консисторских чиновников.

Но надо сказать, что все эти жаждающие исцеления пациенты донельзя запутали вопрос. Заслуга Розанова, конечно, не в том, что он возбудил вопрос о преобразовании социальной стороны пола. Тут он в сущности нового ничего не сказал, и его робкие попытки реформ кажутся весьма жалкими в сравнении с теми, к которым стремятся, например, социалисты. Не касаясь метафизической сущности пола, все социальные реформаторы позитивистического толка лишь высвобождают эту сущность от связывающих и извращающих ее путь социальных противоречий,

условностей и предрассудков. Работа Розанова начинается только там, где кончается работа социалистов, потому что он ставит вопрос пола вовсе не социально, а мистически, как проблему вечную, лежащую вне исторических и бытовых ее воплощений. И когда он, сознательно или бессознательно, суживает свою задачу до уровня вопроса социального, он не только вредит себе, затемняя свою писательскую сущность, но и сбивает с толку читателей. Такие статьи, как «Из загадок человеческой природы», «Звезды», «В мире неясного и нерешенного», «Дети солнца», наконец, многие страницы из большого его исследования о «юдаизме», где вопрос о поле трактуется в плоскости мистической и религиозной, имеют гораздо больше значения для мятущегося человечества, нежели облегчение развода и улучшение быта незаконнорожденных, эти реформочки, которые могут провести в жизнь даже синодальные чиновники. Подобные социальные предрассудки для людей мало-мальски внутренне свободных просто не существуют, а если и существуют, то как чисто эмпирическое зло, которое устранится само собою, с коренным обновлением социального строя.

Да простит мне автор, но его возня с разводом и незаконнорожденными напоминает мне возню благотворительных дам с проституцией. Это все гомеопатия, домашнее лечение, психологически несколько успокаивающее больного, но отнюдь его не излечивающее. «Левые», эти истые аллопаты, энергичные хирурги, или добродушно посмеиваются над филантропией Розанова, или подозревают его в... эротоманстве. «Правые» же инстинктивно чувствуют, что тут где-то неладно: не для того ли Розанов так щедро раздает свои гомеопатические крупинки, чтобы приобрести армию преданных клиентов и при помощи их в конце концов подкопаться под незыблемые основы «православной семьи», основы, столь дорогие нашим охранителям?

III

Если там, где Розанов говорит о проблеме *пола*, он подменяет, из лжетактических соображений, пол — браком, то в своих статьях, посвященных вопросам *церкви*, он подменяет христологию — православием, личность Христа — историческим христианством.

Розанов потратил много сил на борьбу с христианским аскетизмом и, в частности, с его историческим воплощением — монашеством. Аскетизму приписывает он ту печаль и уныние, в

которые окунулся наш мир. Аскеты-монахи, безглаголиво отвернувшись от мятежного мира, унесли с собой в пустыню всю святость жизни, презрительно оставив мирян без религиозной помощи; уничтожили красоту жизни и отравили ее источники. Прежде люди жили, любя жизнь, ее красоту. Мир представлялся им светлым и безгрешным.

Христианство, поставив аскетический идеал, убило счастье и радость. Жизнь осталась старая; только без радости, без искренней простоты. В мир вошел грех, земля потемнела.

И вот Розанов начинает свою войну против аскетизма. Он защищает книгу свящ. Григория Петрова, где христианство проповедуется как свет и радость, он доказывает, что тот последний логический вывод, который сделали сектанты из 19-й главы Матфея — продукт плохого понимания и неверного перевода текста. Он ретиво сражается с черным духовенством и берет под свою высокую руку духовенство белое. В сущности, его последняя книга вся посвящена борьбе с аскетическим началом в исторической церкви. Получается такое впечатление, что *во имя Христа* Розанов уничтожает аскетизм как результат ложного толкования учения Христова, как коренное извращение евангельских основ.

Многие простодушные читатели поддаются этой иллюзии. Угнетенные «черными» архиереями, сельские священники протягивают подобно несчастным в супружеской жизни корреспондентам Розанова свои длани за помощью и утешением. Благочестивые миряне, не могущие вместить аскетического ригоризма, зачитываются его произведениями. И Розанов поддерживает в них эту иллюзию. Новая его книга — ясное тому доказательство.

Все статьи в ней подобраны так, чтобы из-за борьбы со следствиями — неурядицами русской церковной жизни — не проглядывала борьба с основной причиной, с первоисточником этих следствий. Все опасные, более существенные, христологические статьи автор обещает издать впоследствии в более или менее отдаленном будущем. «Ибо все статьи, здесь собранные, возвращаются в понятных, сравнительно легчайших темах христианства, — говорит автор в предисловии к своей книге, — как бы в темах арифметических», тогда как трудные и темные (монашеские) статьи в самом деле представляют собою что-то «после арифметики», «ну, там, непрерывные дроби, что ли, христианства, его логарифмы». Он говорит так, но математическое сравнение только уловка. Можно подумать, что то самое, что доказывается в последней книге Розанова на простых «арифметических» примерах, доказывается в его будущей книге более отвлеченно, алгеб-

раически, но зато и с большей точностью. Каково же будет удивление читателя, когда, прочитав такие статьи из «будущего» сборника, как, например, «Христос как Судия мира» или «Об Иисусе Сладчайшем»², он увидит, что эти «логарифмы» вовсе не подтверждают «арифметических» истин, а прямо и бесповоротно их отвергают³. Уж если оставаться на почве аналогий, то правильнее сравнить последнюю книгу с геометрией на плоскости, а будущую — с геометрией в пространстве, пангеометрией Лобачевского, где параллельные линии могут встретиться. Плоскость здесь совершенно иная, и напрасно Розанов с ненужным лукавством вводит читателя в заблуждение.

Опять и опять, читая статьи Розанова о реформах духовного образования и о неудобствах частых перемещений в Духовном ведомстве, можно подумать, что Розанов — самый невинный реформатор вроде тех «32-х» священников, которые во имя чистоты православия хотят преобразовать приход, позволить вдовым священникам жениться во второй раз, словом, совершенно не касаясь самой сущности не только *христианства*, но и *православия*, произвести ряд невинных реформочек, сделать церковь более чистенькой и современной⁴. Эти симпатичные реформаторы могут найти много доводов в новой книге Розанова. Одна характеристика К. П. Победоносцева («скептический ум») чего стоит!

Но Розанов — союзник неверный.

Он прежде всего не реформатор. Реформатор тот, кто признает «предмет», подлежащий реформе, самую основу ее, истинным и благим. Тот же, кто отвергает самую сущность подлежащего реформированию, кто считает силу, проявление которой в жизни должно быть упорядочено и преобразовано, не доброй, а злой, тот все что угодно, только не реформатор.

IV

Главный и основной вопрос для Розанова отнюдь не церковная реформа, а вопрос о том, добрая или злая сила христианство само по себе, *христианство Христа* и Евангелия, а не его историческое церковное воплощение. Аскетизм, «монашеское» христианство, — вот то извращение Евангелия, которое губит церковь и христианство. Уничтожьте борьбу с плотью, поймите христианство как свет и радость, введите природу, безгрешную природу, где нет добра и зла, в церковь — и вы станете истинными последователями Христа.

«И всегда я думал, — говорит Розанов — как хорошо, если церковь в цветах — не только в саду, но и в окружении именно цветников. Я удлинил бы эти грядочки цветов и узкой полосой ввел бы их в церковь...»

Таково благополучное, «арифметическое» решение задачи, «ad usum delphini»*.

Но когда мы обратимся к розановским «логарифмам», то увидим, что аскетизм, монашество, грех, проклятие мира есть результат вовсе не извращенного, а *совершенно правильного* понимания Евангелия.

Сам основатель христианства, а вовсе не его последователи главный источник отрицания мира, главный виновник того, что мир покрылся черной пеленой греха...

И если Розанов так льнет к белому духовенству, к бытовой стороне православной церкви, то именно потому, что здесь он видит бессознательное, жизненное противодействие самой подлинной основе христианства.

Потому-то он и отстаивает с такой любовью и батюшек, и цветочки, и плодовитую семью, что в них заключено вечное, дохристианское, языческое начало безгрешной земли. Отсюда и тяготение Розанова к миру дохристианскому, его бесконечная возня с евреями, с миквой, обрезанием и т. д. Религии семитические, утверждающие главным образом жизнь *здесь*, на земле, заменяющие бессмертие личности бессмертием рода, ему особенно дороги. Пол — вот подлинное и вечное начало борьбы со смертью. Поэтому еврейское «обрезание», как освящение пола, для Розанова центральный пункт семитизма, альфа и омега его, откуда он и выводит свою пресловутую *теитизацию* пола.

«Семитизм, — говорит он, — весь уже дан в обрезании... В обрезании заключен уже целый быт, заключен уже целый мир... Вообще, тайна истинного полового сближения известна только евреям и может стать известна только на почве “Господу обрезания”: у всех остальных народов от нее остался только смрад».

Освятив пол, евреи разрешили тайну рождения, а следовательно, и тайну существования, бытия земного. Христиане же, втолкнув пол в область греха, пришли к небытию. Мука, гроб и смерть — таково начало и конец христианства как религии. «В кресте мы посвятились в смерть; мы почувствовали религиозно смерть. Мы священно умираем, священствуем в болезнях “исхода” (отсюда), а евреи священствуют в радостях входа (сюда) — суть племя священнорождающееся и священнорождающее».

* для официального пользования (лат.).

Для христианина же, пока он здесь, на земле, нет «религиозной концепции». «Христианин — совершенный автомат: религиозна только лоза (розга), гонящая его отсюда. Религиозная концепция начинается там, за гробом». Цитируя эсхатологическое предсказание Матфея (гл. 24) о том, что к концу мира по причине умножения беззакония «охладеет любовь», что когда евангелие будет проповедано по всей вселенной, «тогда придет конец», Розанов прибавляет: «Итак, некое обледенение сердца распространится параллельно распространению проповеди некоей стеклянной любви, без родника ее, без источника, вне “обрезания”. И когда земля застынет в этом холодном стекле, в этом стеклянном море... “Сын человеческий” сойдет тогда на землю судить живых и мертвых» (Юдаизм, гл. XX, «Новый путь», 1903, кн. 12).

Эта стеклянная христианская любовь, по мнению Розанова, куда губительнее ненависти: «Ап. Павел, убеждая евреев, сказал субъективно: я хотел бы быть отлученным от Иисуса ради братьев моих по крови, евреев. Так он любил их. Плачем. Лобзаем золотое слово. Какая любовь! Да и везде в евангелии эта любовь аналогичная. Но золото-то этой любви все осталось на любящем, во славу Павла; а на любимом, странным образом, остался какой-то чужеродный остаток: гибель и беславие Израиля, да еще... ненависть наша к любимому... Поистине никакой гнев не совершил бы того, что эта разрушительная любовь. Да, от “любви” евангельской горы повалились и сравнялись с долами... мягко постлано, да жестко спать, так бы русский ум формулировал дело... Христианину обычно “варить козленка в молоке его матери”, перед чем остановился Моисей и жестоковыйный народ» (Христос — Судия мира, «Новый путь», 1903, кн. IV, с. 147–149).

Таковы «логарифмы» розановского христианства. Цитаты можно было бы умножить, а из самой «логарифмической» и страшной статьи его об «Иисусе сладчайшем» * можно было бы привести еще более характерные, еще более сильные, неоспоримые доказательства тому, что нападками на православие Розанов лишь прикрывает свою жестокую борьбу с Христом. Православие поняло сущность христианства, ее метафизику и мистику, совершенно так же, как и Розанов, т. е. как отрицание мира, лежащего во зле, преданного греху, проклятию и смерти, от чего основатель христианства спас людей лишь перенесением центра

* В предисловии к своей книге Розанов указывает, что статья эта была напечатана в «Вопросах жизни». Это недоразумение. Статья эта напечатана только в 1908 г. в журнале «Русская мысль».

жизни с земли, с этой юдоли плачевной — в мир потусторонний, загробный.

Борьба Розанова с христианством особенно значительна потому, что он отнюдь не отрицает в нем сверхчеловеческой мистической силы.

Позитивисты, отрицающие божественный промысел, отрицают христианство, так сказать, «попутно». Христианство есть один из видов религии, и ясно, что для отвергающих родовое понятие религии этим самым отвергается и один из видов ее. Задача решается просто и даже довольно благополучно. Спорщики находятся в разных плоскостях и говорят на разных языках. *Штраус* старается сделать христианство приемлемым для рационалистов, *Фейербах* берет его как материал или символ обожествления человечества, *Ренан* с благодушием культурного скептика рисует интересную биографию «de ce cher docteur» *, *Ницше* громит христианство как учение, из которого жрецы сделали средство для унижения человека; *социалисты* видят здесь лишь жалкую идеологию «*Льмпен-Proletariat'a*». Словом, вся эта борьба с христианством велась на почве чисто позитивной или, в лучшем случае, рационалистической. Для людей, мистически настроенных, эти умствования малоубедительны. Не может быть решающего состязания, когда противники вооружены разным оружием.

Совсем другое дело Розанов.

Из всех антихристианских писателей он самый серьезный и самый глубокий. Он сражается с христианством одинаковым оружием и в одной плоскости.

Это — битва, происходящая за землю, на горных вершинах, покрытых облаками.

V

Логически Розанов стоит перед следующей дилеммой: или мир есть абсолютное зло, и тогда отрицающее мир христианство есть абсолютное добро, или мир — добро, а христианство — зло.

В порядке богословской терминологии эту дилемму можно формулировать так: две первые ипостаси взаимно отрицают друг друга. Признав одну ипостась божественной, другую по необходимости надо признать демонической. *Tertium non datur* **.

* этого дорогого доктора (*франц.*).

** третьего не дано (*лат.*).

Это — антитеза, синтез которой, *по убеждению Розанова*, быть не может.

В метафизике эта антитеза получает характер дуализма, который чистыми позитивистами попросту устраняется как находящийся за пределами познания, а метафизиками более или менее удачно замазывается, в порядке отвлеченного мышления.

Для Розанова эта антитеза — факт самый реальный, жизненный. Как человек, обладающий богатым мистическим опытом, он сознает, что отношение к Богу самым реальным образом определяет жизнь, а не наоборот. В христианстве он видит не только социальное, историческое явление, которое так или иначе может быть толкуемо и объясняемо, а проявление высшей мистической силы, которую надо или признать, или же решительным утверждением противоположного совершенно упразднить. Христианство есть несомненно служение божеству, вопрос только светлому или темному, Ормузду или Ариману. *Розанов склоняется к тому, что это есть служение божеству темному.* Он вполне признает, что люди могут ему поклоняться как богу светлому, но тогда уже он требует, чтобы они были последовательны и отреклись от мира, предали его проклятию, признали первую ипостась, творческую по преимуществу, — началом демоническим.

Или — или.

Другого выхода нет.

Дуализм несовместим с высотой современного религиозного сознания, и Розанов настойчиво требует его разрешения путем отсечения одного из положений антитезы. В том, что Розанов именно *так* поставил вопрос, и сила его, и слабость.

Действительно, для христианства, *только христианства*, другого пути к преодолению антитезы и быть не может. Или отречение от Христа, или отречение от мира.

Аскетизм, черное, «монашеское» христианство есть подлинная непрерываемая сущность только христианской религии, замкнувшейся во второй ипостаси и остановившейся в своем совершенно естественном противоположении языческо-еврейскому утверждению Бога-Творца, источника мировой, *безличной* жизни. Православие, членом которого Розанов был долгое время, как и всякая историческая, *только* христианская, религия, не могло дать Розанову ответа на мучивший его вопрос. Пора, наконец, признать, что христианство, только христианство не есть религия соборная, церковная, общественная, а только личная, индивидуальная. Все выходы исторического христианства в мир и общественность ведут к неминуемому провалу. Папизм и абсо-

лютизм, эти общественные выражения исторического христианства, так же в корне своем ложны, как и христианский социализм. Здесь есть *contradictio in adjecto**. И как бы наши неохристиане (я имею в виду Булгакова, Эрна, Свенцицкого и их кружок) ни старались, не преодолев исторического христианства, никакой общественности они не создадут. Вся сущность их чисто «монашеская», «аскетическая». Розанову они возразить ничего не могут. Называя «мистическим блудом» искания современной религиозной мысли, они проявляют много *личной*, но отнюдь *не общественной* добродетели. Для Розанова религия вовсе не «мистический блуд», а дело самой реальной жизненной необходимости. Но вместо того, чтобы принять хотя и неполную, но несомненную *истину*, которая заключена в историческом христианстве, и, преодолев ее, обратиться лицом к грядущему синтезу, он обратился вспять, к религиям *до-христианским*, к религии если и безгрешной, то безличной. Освобождение от греха он купил ценою слишком легкого отречения от вечной, бессмертной, человеческой личности. Заслуга его в том, что он не побоялся дойти до последних выводов и, оставаясь в плоскости мистической и религиозной, показал, что христианство, «только христианство» не может больше удовлетворить всех запросов пробудившегося религиозного сознания.

Сам Розанов не нашел ответа на поставленный им вопрос, но он расчистил путь для этого ответа, и дело будущей религиозной мысли — выйти из противоречия между миром и Христом.

1906 г.

* противоречие в определении (*лат.*).